

Кабинет следователя НКВД Осипова производил удручающее впечатление. Обшарпанные стены, убогая мебель. Собственно, из мебели в кабинете были только стол, сейф и два стула. Точнее, стул и привинченная к полу табуретка.

— Садитесь — следователь кивнул на табуретку.

Константин Николаевич с трудом уместил под столом свои нескладные ноги. Табуретка была привинчена слишком близко к столу. Очевидно для того, чтобы арестованный не мог одним махом соскочить с нее и бросится на следователя.

— Значит, не хотите помочь органам, Константин Николаевич? — продолжил Осипов, начатый еще в квартире разговор.

— Почему же? Конечно, хочу. Как всякий советский человек: — Константин Николаевич невольно глянул на портрет чернявого, усатого человека, в котором, при наличии фантазии, можно было признать Сталина. «Интересно, где теперь тот горе-художник? На Соловках?» Гулкий, в пустом кабинете, удар кулака по столу привел его в чувство. Нет, расслабляться, тут не следовало.

— И что же вы, уважаемый Константин Николаевич, нашли тут смешного? Знаете, в этом кабинете люди редко улыбаются! — следователь смотрел на него глазами рассерженного кота — Ваша красавица-супруга тоже задержана. Я думаю, она с большей охотой даст показания на вашего любимого режиссера. Хоть и была с ним в близких отношениях! А вы не знали? Константин Николаевич заметно побледнел.

— Это ложь! Рая мне верна! А сплетни:.. Сплетни ходили разные... Я не обращаю на них внимания — это не достойно мужчины.

Осипов долго, как бы, с любопытством, глядел на задержанного. На человека, с которым предстояло работать. Да, его придется ломать, на арапа не взять. Крепкий тип. Гордый. Видели мы таких гордых:..

— Значит, не верите? Любите жену. Это хорошо. И не хотите рассказать об антисоветской деятельности человека, который вам рога наставил. Не хотите?

— Я не могу говорить о том, чего не было:

— Сможешь! — заорал вдруг следователь — У нас тут все обо всем говорят!

— Крюков! — в кабинете возник охранник, здоровый детина с сонным выражением лица Осипов не сводил глаз с Константина Ивановича.

— Крюков, доставь задержанную Раису Степанову в: э: — он театрально помялся — в наш кабинет — с диваном. И посмотри, кто там, в караулке свободен: Человек десять наберется? Выполняй!

— Что вы:>? Вы: — Константин Николаевич не находил слов — Как вы смеете?! Да вы: Комната с диваном имела те же обшарпанные стены, но была гораздо просторней.

Константину Ивановичу ударил в нос резкий запах. Водочный перегар, табак, крепкий мужицкий пот. И что-то еще. Запах, казалось бы, знакомый и, в то же время, чужой. Запах полового сношения — понял вдруг Константин Николаевич. Только сношения не чистого. Грязные немые тела оставляют такие запахи. Запах изнасилования, издевательства...

Вдоль стены, на стульях, сидели человек восемь охранников. Мутные, пьяные глаза. Мокрые, похотливые ухмылки. Через минуту Константин Николаевич был привязан к стулу.

Мордастый Крюков поправил ему очки.

— Вот так, чтобы лучше видеть! — сидящие у стены дружно заржали.

Осипов театрально взмахнул рукой. Двое охранников вышли из комнаты.

Как в тумане, Константин Николаевич увидел, как в камеру (ведь это же камера, а не комната!) ввели его жену. Растерянный взгляд и неуместное здесь нарядное платье, обтягивающее стройную фигуру начинающей актрисы Раисы Смирновой, выглядели для собравшихся палачей, комично. Их дружный гогот едва доходил до сознания Константина Николаевича.

— Нет:. Вы не смеете! Есть же закон: — на сей раз, его лепет прервала увесистая оплеуха.

— Что вы делаете?! Костя! — женщина рванулась к мужу, но ее остановили спокойными, привычными движениями. Пытаясь вырваться, она вдруг поняла, что сейчас должно произойти. Полными отчаяния глазами посмотрела на мужа.

— Костя, сделай все, что они хотят: Костя:

— Я не могу, Раечка. Он же не виновен: как же я могу:?

— Ну, хватит! — Осипов, встал и прошелся по камере — Ты не можешь? Зато мы сможем! Женщину, по знаку следователя, подвели к мужу. Два охранника, улыбаясь, держали ее за руки. Осипов положил руку на живот Раисы.

— Видишь — рука скользнула ниже, пальцы через тонкую ткань нащупали лобок — видишь, вот сюда, мы напускаем сейчас, не по одному разу. Нас тут девять человек. Каждый раза три — четыре сможет. Что тогда будет с твоей женушкой?! Подумай! Подумай в последний раз! Константин Николаевич оцепенел. Все происходящее казалось настолько нереальным, что до конца поверить в это было невозможно. Засиженная мухами лампочка под потолком, облезлые стены, гогот пьяных мужиков — сон, бред? Еще вчера он готовился к съемкам в новом фильме известного режиссера:.

— Ну ладно, как хочешь!

Заскорузлая, мужицкая рука Осипова медленно поднимала платье. Показались кружевные панталончики. Настоящие французские панталоны, купленные по случаю у знакомых, обтягивая такую дорогую попку, были предметом вожделения Константина Николаевича. Они были для него символом их нежных отношений, их сексуальной гармонии. И вот теперь он видел, как грубая, пролетарская ладонь следователя, этого мужлана с запахом лука и водочного перегара, медленно продвигалась к заветному месту его жены. Как она клещом вцепилась в лобок женщины, как толстые пальцы скрылись где-то между ног и стали по-хозяйски гладить и массировать то, к чему прикасаться имел право только муж.

Константин Николаевич хотел закрыть глаза, зажмурится, может быть, потерять сознание — только бы не видеть, как его жену грубо ласкает этот мужик.

Женщина пыталась вырваться, сжимала ноги, умоляла прекратить, но все это только больше распаляло садиста. Ее уже окружили со всех сторон и лапали, хватали, мяти грубые, привыкшие к винтовкам руки.

Так продолжалось минут десять. Константин Николаевич заметил, что его жена больше не пытается вырваться. Она стояла, уронив голову, покорно отдав свое тело на потеху насильникам.

— Смотри! — выдохнул, наконец, Осипов. Солдаты расступились, и Константин Николаевич увидел на панталонах жены небольшое мокрое пятно. Что это? Обмочилась? И тут он понял — нет, не обмочилась. Это ее сок, смазка, она элементарно потекла. Эти грубые ласки сделали

свое дело. Она текла. Но ведь, это ужасно! Получать удовольствие от прикосновений этих скотов! Рая, как же ты можешь?! Нет, нет, ты, конечно не виновата — это физиология, это просто физиология:

Мокрые панталончики упали к нему на колени. Константин Николаевич уловил знакомый запах: Когда это их сняли? У него, похоже, уже провалы в восприятии:

Его жена, полностью обнаженная, лежала на диване. Встать она не пыталась, только прикрывала руками груди. Солдаты судорожно стаскивали с себя гимнастерки и галифе.

Что будет? Что будет? Боже мой! Не надо: не делайте это с ней! Она ведь такая молодая! Я взял ее девушкой, я лелеял ее и берег. Она не вынесет группового изнасилования!

Удар по щеке привел его в чувство. Над ним нависло лицо следователя.

— Теперь, уважаемый Константин Николаевич, даже ваше признание не остановит того, что должно случится.

Он быстро подошел к дивану. Разделся и что-то тихо сказал охранникам. Очевидно, давал указания, как действовать в случае сопротивления. Но сопротивления не было. Осипов грубо подмял под себя молодую женщину. Коленями раскинул в стороны ее ноги и резко дернул задом. Константин Николаевич услышал, как вскрикнула его жена, как задышал, засопел на ней насильник, все быстрее дергая задом. Довольно быстро он кончил, встал и потянулся, как сытый кот. Его, все еще торчащий член, был мокрым и блестящим. А на женщине уже лежал один из охранников. Этот, прежде чем начать совокупление, долго, взасос целовал безответные губы женщины. Кончил он тоже быстро. Следующим был совсем молодой парень. Испуганно сделав несколько резких движений, он торопливо вскочил с дивана. Зато другой насиловал Раису долго и со вкусом. Он явно знал толк в женщинах. Меняя темп и амплитуду, он довел Раю до оргазма. С ужасом Константин Николаевич смотрел, как его любимая напряглась, на миг замерла и забилась в судорогах страсти под насиловавшим ее мужиком

— Что же вы делаете? Звери:. — шептал бедный муж, не в силах оторвать взгляд от дивана, на котором его жена стонала и выгибалась, испытывая необычайно сильный оргазм.

После этого некоторое время Раиса молча принимала навязываемые ей ласки. Которые, как заметил Константин Николаевич, были весьма примитивны. Помять груди, в лучшем случае — пососать, покусывая набухшие соски. Поцеловать, облизав губы, шею. И затем просто грубо насиловать. Долбить и долбить, а потом кончить в женщину, совершенно не заботясь о ее возможной беременности. Впрочем, о чем это я? Какая там забота, — думал Константин Николаевич — это же просто животные, звери, жадно утоляющие свою похоть. И как неприятно, что его жена, его любимая, подчиняясь тому же зову плоти, испытывает оргазм под этими скотами.

Вот очередной мужлан замычал и судорожно стиснув женщину в объятиях стал кончать. Раиса, повернув голову, может быть, просто для того, чтобы ее не целовал насильник, неотрывно смотрела на мужа. Константин Николаевич, сквозь слезы видел, как расширились ее зрачки, когда солдат, в последней судороге, с искаженным лицом, до предела двинул вперед свое плюющее спермой орудие.

Этот миг, казалось, не кончится никогда. Пристальный взгляд Раисы и потный мужик, буквально вдавивший себя в тело, терзаемой им женщины.

Константин Николаевич, вдруг с ужасом понял, что возбуждился. Его восставшему члену явно мешали брюки. Он неловко заерзал на своем неудобном стуле. Почувствовал, как затекли

связанные ноги. Руки, стянутые за спиной, давно онемели. Но член: Член — стоял, несмотря на ужасное состояние его хозяина. Он жил сам по себе. И он хотел женщину.

А его жену, между тем, накачивал очередной мужик. Сопя и разбрызгивая слюни, он в быстром темпе работал задом. Его потное, с подтеками грязи на спине, тело, не знало усталости. Раиса опять не сводила взгляда с Константина Николаевича. Только теперь, ее глаза стали томными, с мокрой поволокой. Так же, однажды на вечеринке, она смотрела на молодого, красивого мальчишку, которого, даже и артистом нельзя было назвать. Просто молодой жеребец, смазливый, стройный и безмозглый. Константин Николаевич тогда почувствовал первый укол ревности. Он и сейчас ревновал свою терзаемую жену. Ревновал ее к тем бурным оргазмам, которых он, законный муж, никогда не мог от нее добиться. По глазам Раисы, по ее напрягшемуся телу, он видел, что она близка к очередному взрыву страсти. Почему-то, Константин Николаевич надеялся, что мужик закончит свое дело раньше, чем его Раечка достигнет оргазма. И тогда: что тогда? Тогда, она, может быть, переключится, перегорит и больше не будет страстно прижиматься к этим грязным кобелям:..
Может быть:

Громкие стоны его жены развеяли все надежды. Солдат, содрогаясь, спускал в его жену, а она: она, страстно обхватив его своими безупречными ногами актрисы, стараясь принять в себя как можно больше спермы, кончала синхронно со своим насильником. С пеной на искусанных губах и надсадным дыханием, она, нехотя, отпустила обессилившего солдата. Ее мутный взгляд опять нашел глаза мужа. Затем Константин Николаевич вдруг заметил, что Рая смотрит ниже, туда, где топорщил брюки его эрегированный член. Какой стыд! Она заметила, что она подумает? Она может подумать, что мне это понравилось! А мне: не понравилось: наверное. Но почему, о боже — почему он стоит?! Какой позор!

А Рая, между тем, уже испытывавшая столько оргазмов, думала совсем о другом. Бесконечная череда подрагивающих, деревянно-твердых членов, непрерывно изливающих в нее свое горячее семя и запах терпкого мужского пота сделали ее счастливой.

Раиса вовсе не была ангелом, как считал ее немолодой муж — не слишком удачливый актер, специализировавшийся на второстепенных ролях. Раиса действительно была в близких отношениях с режиссером — а как иначе получить главную роль?! Впрочем, режиссер — увенчанный благообразными сединами старик, ее, конечно не удовлетворял, как, кстати, и муж — приторно нежный слюнтяй. Нет! Она хотела огня! Дикой страсти! Она подсознательно стремилась к тому, чтобы разбудить дремлющие в ней дикие инстинкты. Ее вечная неудовлетворенность не позволяла ей даже сосредоточиться на игре, когда она видела набухший бугор в штанах у какого-нибудь помрежа или, хуже того, осветителя. У нее было еще несколько связей, совсем уж незначительных и не принесших ей желаемого удовлетворения.

И вот тут, сейчас, в этой жуткой комнате, на этом грязном, пропахшем потом и спермой диване, она чувствовала себя, наконец, счастливой. Пусть эти животные насилуют ее один за другим! Пусть с рычанием рвут ее плоть! Пусть напускают в нее так, чтобы выливалось из горла! Давайте, кобели, животные мои милые, давайте, насилуйте меня, вставляйте мне, ебите меня — она и не замечала, что стала выкрикивать все это вслух. Она стонала и смеялась. Она была в сладостном сне. Оргазмы наступали один за другим. Она и не подозревала в себе такой страсти. Давайте! Ну, давайте же! Еще, еще!

Константин Николаевич плакал. Он понял, что его милая жена, его Раечка, оказалась не

такой скромницей, как ему представлялось. Вспомнилось и отсутствие крови в первую брачную ночь, и легкое проникновение его, даже не слишком напряженного — от волнения — члена в ее лоно. Его подозрения: Ну ладно, думал он тогда, ну пусть не девушка, но зачем так горячо уверять меня в том, что я первый? Я бы простил. Все бы простил. И всегда прощал. И не хотел знать о ее похождениях.

Громкий крик прервал его печальные размышления. Раиса опять извивалась под очередным солдатом. Ее покрытые синяками ноги крепко прижимали к себе насильника, и она кричала, кричала, непрерывно содрогаясь в бесконечном оргазме.

— Да пусти, сука, я давно кончил! — шипел солдат ей в самое ухо, пытаясь освободиться от болезненно страстных объятий обезумевшей женщины.

Константин Николаевич вдруг почувствовал, что сейчас и сам испытает оргазм. Это казалось таким диким, и таким маняще сладостным, что он застонал — громко и протяжно. Осипов обернулся к нему и, с понимающей усмешкой, подмигнул. О боже... только не это: только не здесь! — успел подумать Константин Николаевич, из последних сил пытаясь отвлечься — не смотреть на трепещущее, залитое солдатской спермой раскрытое лоно его супруги, выставленное на всеобщее обозрение после того, как солдат, покинул ее, вlepив звучную оплеуху. Как ни странно, звук пощечины еще сильнее возбудил бедного мужа и он, плача от стыда — кончил, излив в брюки невероятную порцию спермы.

Их отпустили на следующий день, после подписания заявления, где подробно описывалась гнусная антисоветская деятельность известного режиссера.